

УДК 323.1+930
ББК 63.5+66.5

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В.В. Грибанов, О.Ю. Кузванова

Историческая память становится этнополитическим феноменом, когда события исторического прошлого народов используются в качестве аргумента в политической деятельности любых субъектов. На примере финно-угорских народов Российской Федерации рассматривается практика использования фактов прошлого в политических целях.

Ключевые слова: историческая память, этнополитика, финно-угорские народы, финно-угорские регионы, межнациональная толерантность.

Актуальность темы «Историческая память как этнополитический феномен» связана с особенно обостренным вниманием общественности к этнополитическому фактору, который сыграл весьма значительную роль в новейшей истории России и продолжает оставаться наиболее резонансным для общественного восприятия. Суть данной проблематики, если выразиться лаконично, в существовании не только общероссийской, но и исторической памяти у каждой из этнических групп, населяющих Российскую Федерацию. Вместе с актуализацией этнополитических движений, имеющих разные цели и особенности процессного характера, актуализируется и историческая память, которая становится фактором воздействия на современный политический процесс и с этой точки зрения нуждается в научном осмыслении и общественном понимании.

В своей известной работе «Национальный вопрос и социал-демократия» Отто Бауэр начинает теоретический анализ, задавая любимый вопрос своего партийного оппонента Карла Реннера: «Что такое нация?» По мнению Бауэра – «не однородность судьбы, а коллективно пережитая, сообща выстраданная судьба, общность судьбы создает нацию» [2, с. 76]. В связи с этим, с нашей точки зрения, особого

внимания заслуживают взгляды французского историка Эрнеста Ренана, предложившего, возможно, самый глубокий анализ национализма. Его ключевые идеи содержатся в знаменитой лекции, прочитанной в 1882 г. в Сорбонне, и названной им «Что такое нация?». Именно они оказали весьма значительное влияние на созданные позднее теории и превратили его в одного из наиболее цитируемых авторов по проблемам национального вопроса.

В своей лекции Ренан отрицает широко распространенные концепции, которые рассматривали нации с помощью таких вполне объективных характеристик, как раса, язык или религия. Он задает вопрос: «Каким образом Швейцария, имеющая три языка, две религии и три или четыре расы, представляет собой нацию, в то время как столь однородная Таскания – нет? Почему Австрия – государство, а не нация?» [12, с. 12]. Нация, по Ренану, представляет собой «душу, духовный принцип»: «Нация – ...это великая солидарность, которая держится на сознании как уже принесенных жертв, так и жертв, которые предназначено сделать в будущем. У нее непременно есть прошлое; но она продолжается в настоящем благодаря осязаемому факту согласия людей, их отчетливо выраженному желанию продолжать свою жизнь сообща. Существование нации представляет собой ежедневный плебисцит точно так же, как существование индивида служит вечным утверждением жизни» [там же, с. 19].

Ж.Т. Тощенко определяет историческую память как «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» [15]. Выделяя индивидуальную и коллективную память, исследователи акцентируют внимание на том, что если у отдельной личности имеется биографическая память и процесс ее формирования можно отследить и каким-то образом понять, то коллективная память – гораздо более сложный феномен, начиная с того, что неочевиден носитель коллективной памяти. Еще большие сложности возникают при характеристике национальной памяти, поскольку само понятие нации является дискуссионным, неконсенсусным.

С точки зрения социального конструктивизма, социальная память – это символически закрепленное прошлое, которое объединяет всех тех, кто социализирован в данной общности. Социальная память существует как часть символического универсума, «соединяющего людей с их предками и потомками в смысловом единстве» [3, с. 168]. По очень точному замечанию Г. Лебона, «судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие» [9, с. 20]. Однако в исторической памяти не все события приобретают одинаковую степень эмоционального отклика, а только те, которые каким-то образом отобраны, зафиксированы как наиболее важные (ключевые, поворотные) для всей общности.

В этом сложном процессе формирования (в самом широком понимании) исторической памяти народа выделяются два созидающих источника: коллективное сознание и целенаправленная деятельность «социальных конструкторов» – жрецов, историков, политиков и др. Историческое сознание и историческая память рассматриваются в так называемых примордиалистских концепциях как объективно существующие коллективные феномены. И наоборот, конструктивистские концепции подчеркивают субъективность этих социальных явлений, считая их в большей степени продуктом целенаправленного конструирования элит. Между тем наиболее продуктивным выглядит (и это признается многими исследователями) интегративный подход, так

как на самом деле оба источника тесно взаимосвязаны и взаимозависимы.

Трудно отрицать влияние ученых и, прежде всего, историков на процесс национального строительства. Любая история не лишена доли самообмана, компиляций, а также вполне предвзятого мнения самого историка. Историк является сторонником определенной концепции, в зависимости от ее содержания он приводит одни факты и оставляет «за кадром» другие. Тем самым он не просто пишет историю, он ее создает. Французский писатель Жан-Пьер Фай выделил феномен влияния исторического повествования на представления об истории и назвал его «эффект Мабли» (цит. по: [10, с. 55]).

Если говорить о коллективном сознании и его влиянии на историческую память, то проявление этого влияния можно увидеть в эмпирических материалах крупномасштабных социологических исследований. Данные целого ряда социологических исследований по всероссийской выборке, проведенных в 1990-х гг., говорят о том, что представления людей о самых значимых событиях в истории России отличаются удивительным постоянством и попытки отдельных представителей науки, политики изменить эти установки не приводят к желаемым результатам. Так, например, самым выдающимся событием XX в. респонденты (а выборка охватывала все население России) считают Великую Отечественную войну, несмотря на существенный поток критической научной и публицистической информации о многих аспектах этого исторического события. Как объясняет данный феномен Ж.Т. Тощенко, «в условиях современной идеологической и политической невнятицы победа в Великой Отечественной войне стала фактически единственной позитивной опорной точкой национального самосознания нынешнего российского общества» (см.: [15]).

Если общероссийский уровень исторического сознания и исторической памяти кристаллизует события прошлого всей страны, то историческая память отдельных народов, населяющих огромные просторы России, удерживает в себе и особенные памятные даты, связанные с историей этих народов. На этом уровне общее и локальное могут диссонировать. Так, например, общеизвестно, что исто-

рическая память отдельных народов Северного Кавказа содержит в себе негативно окрашенные эмоциональные воспоминания о некоторых исторических событиях, связанных с российской историей. Каждый народ имеет свой «багаж воспоминаний», и если учесть, что Российскую Федерацию населяют около 180 народов (из них более 40 – это народы с численностью более 100 тыс. человек), то можно представить, как непросто складывается общая историческая память.

Когда события исторического прошлого народов становятся аргументом в политической деятельности любых субъектов, то тогда можно говорить, что историческая память становится этнополитическим феноменом. Проследим эти процессы на примере финно-угорских народов, которые по переписи населения России 2002 г. составляли 2,7 млн человек. Финно-угорский компонент явился одним из основных антропологических и культурных составляющих русского государства изначально, и финно-угорские народы, наиболее крупные из которых – мордва, мари, удмурты, коми, коми-пермяки, карелы, не зафиксировали в своей исторической памяти момент вхождения в состав единого государства. Точные обстоятельства этого вхождения можно реконструировать только с помощью тщательных исторических исследований, которые также не будут выглядеть полными в силу крайне скудных сохранившихся исторических источников того времени. Однако есть основания полагать, что в подавляющем большинстве эти исторические процессы проходили без особых конфликтов, в отличие, например, от Северного Кавказа.

Этнокультурная символика вошла в политическое пространство финно-угорских народов в период образования автономий в 20-х гг. XX века. В 20-х – начале 30-х гг. XX столетия были образованы Марийская (1920 г.) и Вотская (Удмуртская) (1932 г.) автономные области, Коми автономная область (1921 г.) и Мордовская автономная область (1930 г.). Уже тогда этноэлитами осознавалась важность статуса автономии, который выступал символом мощи титульного народа, его созидательной силы и способности к творению своей собственной жизни и судьбы. По мнению финского исследователя С. Лаллуки, образование нацио-

нальных автономий на месте бывших губерний России впервые привело к появлению для многих народов, в том числе и финно-угорских, «легитимных территориальных объектов идентификации», а их зарождающееся национальное чувство «получило определенные, хотя и ограниченные, институциональные выходы для самоутверждения» [7, с. 21]. С этого момента финно-угорские автономии начинают отсчет истории национальной государственности в составе Российской Федерации.

Советский период в истории России был уникальным по силе идеологического влияния на всю российскую историографию, в том числе и на региональную. «Историческая память народов» была идеологически выдержана и причесана и тем самым, несомненно, выполняла определенную политическую функцию. Контроль над прошлым стал ослабевать по мере трансформации советского общества, что сразу же отразилось на региональной историографии, которая стала исследовать прежде запретные темы и «белые пятна» истории.

С началом периода трансформационных реформ в России появились особые региональные субъекты политического взаимодействия, которые так или иначе использовали факты исторического прошлого в своем дискурсе – этнонациональные движения. В начале 1990-х гг. в финно-угорских регионах организационно оформились этнонациональные движения: «Удмурт кенеш», «Марий ушем», «Съезд коми народа», «Всероссийский съезд мордовского народа», «Съезд карельского народа» и другие. Появление движений по времени совпало с так называемым периодом «парада суверенитетов» в постсоветской России. Политические региональные элиты объективно были заинтересованы в сотрудничестве с этнонациональными движениями для большей легитимации суверенитета. Именно в это время факты исторического прошлого финно-угорских народов часто становились объектом политизации. По мнению С.А. Арутюнова и С.И. Рыжаковой, политизированной трактовке в истории отдельных народов подвергались «проблемы их древности и автохтонности на современных и соседних этнических территориях, поиски “славного прошлого” и “славных предков”, что, в свою очередь, породило поток антина-

учной, фантастической литературы псевдоэтногенетического содержания» [1, с. 47]. В то же время надо отметить, что существуют пределы манипулирования общественным сознанием – коллективная историческая память отвергает новации, противоречащие традициям.

Основные финно-угорские этнополитические движения в своем дискурсе достаточно сдержанно используют обращение к исторической памяти, демонстрируя рационализм и общепринятые европейские практики политического лоббирования. Например, в идеологии движений широко применяется концепция коренного народа, содержание которой выдержало «испытание на прочность» в общественных дискуссиях 1990-х гг., заняло околополитическую нишу (поскольку в российском законодательстве отсутствует этот термин) и в целом не отвергается региональным общественным мнением. Эмоционально негативно окрашенные факты прошлого, связанные с историей народа (языковая русификация, репрессии по национальному признаку и др.) остались преимущественно в сфере научных исследований, а откровенно конфликтные оценки прошлого используются исключительно маргинальными радикальными течениями и отдельными личностями.

Финно-угорское движение, кроме местного и регионального уровней взаимодействия с государственной властью, обозначило два новых – федеральный и международный. Уже в мае 1992 г. в Ижевске состоялся первый Всероссийский съезд финно-угорских народов, на котором была учреждена Ассоциация финно-угорских народов России. А в декабре того же года в Сыктывкаре прошел первый Всемирный конгресс финно-угорских народов (второй – в Будапеште в 1996 г., третий – в Хельсинки в 2000 г., четвертый – в Таллине в 2004 г., пятый – в Ханты-Мансийске в 2008 г., шестой – в Шиофоке (Венгрия) в 2012 г.).

19 июля 2007 г. в Саранске, где проходил финно-угорский фестиваль, состоялась встреча Президента России В. Путина, Президента Финляндии Т. Халонен и Премьер-министра Венгерской Республики Ф. Дюрчания с руководителями Международного консультативного комитета финно-угорских народов и Ассоциации финно-угорских народов России.

На встрече В. Путин дал высокую оценку сотрудничеству финно-угорских народов и власти: «Международные и общественные организации финно-угорских народов всегда стремились к конструктивной работе с государством, – сказал он. – И это, безусловно, их серьезный вклад в развитие финно-угорской культуры, языков, традиций, но в то же время и укрепление Российского государства» [13]. Этнокультурная финно-угорская политическая символика давно стала частью российского федерализма, лояльно воспринимается со стороны федеральных властей. Можно сказать, существует определенный социальный заказ со стороны федерального центра, заинтересованного в координируемом конструировании образа российского финно-угорского сообщества как части финно-угорского мира.

В августе 2012 г. в Мордовии состоялось грандиозное празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства. В данном случае этнополитический характер события распространялся на общероссийский уровень, так как празднование проходило официально в рамках Указа Президента РФ Д.А. Медведева № 46 от 11 января 2009 года. По оценкам очевидцев, «Не имеющая аналогов, самая масштабная за всю историю Мордовии Программа подготовки к Тысячелетию беспрецедентна по объемам инвестиций. Только прямые трансферты из федерального центра составляют 18 миллиардов рублей. Эффект этих огромных вложений очевиден и колоссален. Уже построен целый ряд значимых, крупных объектов, появились новые дороги, современные жилые кварталы, полностью изменил свой облик Саранск – красивый, благоустроенный город. Все это останется на века» [14].

В данном случае история мордовского народа, на протяжении многих веков лояльного российскому государству, была использована для создания крупного этнополитического проекта, осуществленного в интересах российской и региональной политических элит, а также в интересах всех жителей Мордовии. К слову сказать, сам проект начал осуществляться задолго до принятия Указа Президента РФ и имел огромное культурно-образовательное значение, когда народ «вспомнил» сотни забытых имен, десятки памятных дат.

Уже в 2006 г. глава республики Н. Меркушкин говорил: «Многие, в том числе те, кто живет сегодня за пределами Мордовии, стали все чаще вспоминать, что они наши. Раньше... Мордовия считалась глухой провинцией, ужасной глушью... А сейчас, когда республика стала больше на слуху и на виду... больше гордости за нее и за свой народ...» [17, с. 5].

Многолетнее соиздание социальных связей в рамках финно-угорского мира вызвало к жизни ряд культурных и имиджевых объектов на территории республик, таких как финно-угорские культурные центры (Поволжский центр культур финно-угорских народов в Саранске и Федеральный финно-угорский культурный центр в Сыктывкаре). В Республике Коми в окрестностях села Ыб Сыктывдинского района с 2010 г. развернулось строительство многофункционального туристского комплекса «Финно-угорский этнокультурный парк», который стал крупным инвестиционным проектом регионального правительства. 21 августа 2011 г. там прошел первый мультфестиваль «Ыбица», где выступили более 500 артистов из финно-угорских республик, автономных округов и городов России, а также Финляндии и Венгрии. Культурными символами становятся финно-угорские фестивали, праздники, конкурсы красоты. Директор департамента межнациональных отношений Министерства регионального развития РФ А. Журавский, будучи с рабочим визитом в Сыктывкаре в июле 2010 г., не случайно сказал: «Я вижу, как регионы, где проживают российские финно-угры, конкурируют за различные крупные этнокультурные проекты» [5].

В основе современного «финно-угорского мира» с богатством самых разнообразных социальных связей между народами (политических, экономических, культурных) находится филологическая наука, развиваемая учеными разных финно-угорских стран. По словам венгерского ученого П. Домокоша, финно-угорская наука зародилась в различных уголках Европы в век Просвещения под влиянием интереса к древней истории, на основании языковых источников [4, с. 193]. По-видимому, в начале финно-угорская языковая общность выступала неким символом для отдельных представителей финно-угорской филологии, но очень быстро стала расширять свои рамки и содержание.

В Финляндии с 1928 г. стали отмечаться Дни родственных финно-угорских народов наряду с празднованием Дня Калевалы. В 1929 г. к празднованию Дней родственных финно-угорских народов присоединилась Эстония. На IV Конгрессе культуры финно-угорских народов (1931 г.) было принято решение отмечать этот праздник в третью неделю октября. После II Мировой войны Дни родственных финно-угорских народов были запрещены в Эстонии и Венгрии, перестали отмечаться в Финляндии [6, с. 9].

Финно-угорский мир как поле пересечения социальных взаимодействий самого разного характера создавался акторами различных сфер деятельности. После периода «замораживания» финно-угорских контактов в связи с политическими репрессиями в СССР, вновь взаимодействия финно-угорских народов стали возникать в рамках финно-угроведения. С 1960 г. стали проводиться международные конгрессы финно-угроведов, в которых принимали участие не только представители филологической науки, но и ученые-историки, археологи. По словам секретаря Общества М.А. Кастрена М. Лаппалайнен, «эти встречи научных сообществ, проводившиеся каждые пять лет в Финляндии, Венгрии, СССР, а затем в России, были единственным средством получения информации о достижениях в этой области науки и налаживания контактов с зарубежными коллегами. Все научно-исследовательское международное сотрудничество базировалось практически целиком на этих встречах» [8, с. 70].

Используя некоторую условность и схематичность, можно выделить важнейшие научные традиции в оценках исторического развития финно-угорских народов, по которым в научном финно-угорском сообществе к настоящему времени сложился консенсус:

– финно-угорские народы – одна из самых древних групп населения России, чьи корни на данной территории прослеживаются с эпохи неолита;

– финно-угорские народы сыграли огромную роль в судьбах других народов России, вплоть до участия в формировании этнических особенностей отдельных групп тюркоязычного и русского населения северных и центральных областей;

– предки финно-угорских народов на различных этапах своего развития вступали в активные взаимодействия друг с другом, тем самым на ранних этапах способствуя оформлению близких этнических черт [11, с. 21–22].

По мнению Г. Шкалиной, «благодаря колоссальным усилиям угро-финских ученых, работающих в различных научных центрах мира, накоплен на сегодняшний день эмпирический, экспериментальный, теоретический материал, позволяющий в начале XXI века поставить вопрос о финно-угорской культуре как о феномене современного мира» [16, с. 38].

Таким образом, «финно-угорский мир» конструируется как особое этнокультурное и этнополитическое пространство, по форме являясь сетевым сообществом пересечения множества взаимодействий: политиков, общественных деятелей, творческой интеллигенции и ученых. Особенностью его является то, что «историческая память» содружества финно-угорских народов не реконструируется, не подвергается искажению, а, вызванная к жизни глубинными общественными потребностями, создается с нуля.

Поскольку Российская Федерация в качестве субъектов Федерации имеет особые национально-государственные образования – республики – то для нее использование исторической памяти отдельных народов в политической деятельности региональных элит становится фактором постоянной напряженности. Что касается российских финно-угорских народов, на уровне финно-угорского мира преобладают символы интеграции в российское сообщество, включенность финно-угорских народов в общероссийский исторический контекст. Несомненно, нельзя забывать, что в политической сфере историческая память приобретает форму эмоционально заряженного символа, легко конструируется и в случае социального неблагополучия этнических групп может стать фактором разрушительной этнической мобилизации. Поэтому особую ответственность за сохранение межнационального мира и согласия несут политические элиты, которые оказывают решающее влияние на формирование «исторической памяти» народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов, С. А. Культурная антропология / С. А. Арутюнов, С. И. Рыжакова. – М. : Весь Мир, 2004. – 261 с.
2. Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия / О. Бауэр // Нации и национализм : сб. ст. – М. : Праксис, 2002. – 416 с.
3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
4. Домокош, П. История и роль международных конгрессов финно-угроведов / П. Домокош // Пленарные доклады X Международного конгресса финно-угроведов. – 1 ч. / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола : Изд-во Мар. гос. ун-та, 2005. – 215 с.
5. Журавский, А. Лидеры финно-угорских общественных организаций должны иметь внутреннее достоинство / А. Журавский – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.komiinform.ru/services/interview/306>. – Загл. с экрана.
6. Информационный бюллетень Министерства по делам национальностей Республики Коми. – Сыктывкар, 2000. – № 5. – 48 с.
7. Лаллука, С. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ : История, демографические и этнические процессы / С. Лаллука. – СПб. : Европ. Дом, 2010. – 336 с.
8. Лаппалайнен, М. Проблемы распространения информации о финно-угорских народах и создания финно-угорского информационного поля / М. Лаппалайнен // Финно-угорский вестник : информ. бюл. – Йошкар-Ола, 2000. – № 2 (18). – С. 3–7.
9. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб. : Макет, 1995. – 311 с.
10. Малахов, В. С. Национализм как политическая идеология / В. С. Малахов. – М. : КДУ, 2005. – 320 с.
11. Патрушев, В. Этнические и исторические корни финно-угорских народов Российской Федерации / В. Патрушев // Финно-угорский вестник : информ. бюл. – Йошкар-Ола, 2000. – № 2 (18).
12. Ренан, Э. Что такое нация? : Речь, произнесенная Эрнестом Ренаном в большом амфитеатре Сорбонны 11 марта 1882 г. / Э. Ренан. – Тифлис : Тип. М. Д. Рогинианца, 1882.
13. Стенографический отчет о встрече с руководителями Международного консультативного комитета финно-угорских народов и Ассоциации финно-угорских народов России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://president.kremlin.ru/text/appears/2007/07/138219.shtml>. – Загл. с экрана.

14. Терешина, Т. На стройки Тысячелетия федеральный центр выделил Мордовии более 600 млн рублей / Т. Терешина. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.mordva1000.ru/news/248-na-stroyki-tysyacheletiya-federalnyy-centr-vydelil-mordovii-bolee-600-mln-rublei.html>. – Загл. с экрана.

15. Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая исто-

рия. – 2000. – № 4. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>. – Загл. с экрана.

16. Шкалина, Г. Финно-угорская культура на рубеже веков / Г. Шкалина // Финно-угорский вестник : информ. бюл. – Йошкар-Ола, 2000. – № 2 (18). – С. 38–41.

17. Я живу в Мордовии / авт.-сост. Ю. А. Мишанин. – Саранск : Изд-во Морд. ун-та, 2006. – 40 с.

HISTORICAL MEMORY AS AN ETHNOPOLITICAL PHENOMENON

V.V. Gribanov, O.Yu. Kuzivanova

Historical memory turns out to be an important ethnopological phenomenon, when the events of the past of the peoples are used as an argument in the political activities of any entity. The example of the Finno-Ugric peoples of the Russian Federation is used to show the practice of using facts of the past for political purposes.

Key words: *historical memory, ethnic policies, Finno-Ugric peoples, Finno-Ugric regions, ethnic tolerance, interethnic tolerance.*